

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 6 декабря 2011 г. N 27-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
СТАТЬИ 107 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ ГРАЖДАНИНА
ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ А.Т. ФЕДИНА**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 107 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д. Рудкина, изучив представленные документы и иные материалы, в том числе объяснения полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.И. Александрова и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В. Кротова, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. В соответствии со статьей 107 УПК Российской Федерации мера пресечения в виде домашнего ареста заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а также в запрете общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию и вести переговоры с использованием любых средств связи (часть первая); эта мера избирается по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены статьей 108 "Заключение под стражу" данного Кодекса, с учетом возраста подозреваемого, обвиняемого, его состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств (часть вторая); в постановлении или определении суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения указываются конкретные ограничения, которым подвергается подозреваемый, обвиняемый, а также указываются орган или должностное лицо, на которые возлагается осуществление надзора за соблюдением установленных ограничений (часть третья). Статья 109 УПК Российской Федерации регулирует сроки содержания под стражей и порядок их продления.

1.1. Конституционность приведенных законоположений оспаривается гражданином Эстонской Республики А.Т. Фединым. Как следует из представленных им материалов, Постановлением судьи Смольнинского районного суда города Санкт-Петербурга от 16 июля 2010 года А.Т. Федину, обвиняемому в совершении преступлений, предусмотренных частями второй и третьей статьи 210 (участие в преступном сообществе, совершенное с использованием своего служебного положения) и частью четвертой статьи 159 (мошенничество, совершенное в составе организованной группы, в особо крупном размере) УК Российской Федерации, мера пресечения в виде заключения под стражу в связи с истечением предельного срока содержания под стражей (18 месяцев) была изменена на меру пресечения в виде домашнего ареста, а местом домашнего ареста определена однокомнатная квартира в городе Санкт-Петербурге, принадлежащая его матери.

Надзорные жалобы защитника А.Т. Федина на это Постановление были оставлены без удовлетворения. Постановлением следователя от 22 декабря 2010 года также отказано в удовлетворении ходатайства защитника заявителя об отмене меры пресечения в виде домашнего ареста, а Смольнинский районный суд города Санкт-Петербурга Постановлением от 11 февраля 2011 года отказал в принятии к рассмотрению жалобы на данное решение следователя, поданной в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации.

В жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации А.Т. Федин утверждает, что на момент обращения в Конституционный Суд Российской Федерации общее время ограничения его свободы - пребывания под стражей и под домашним арестом - составило более 24 месяцев, в течение которых он лишен возможности трудоустройства и получения какого-либо легального дохода. По его мнению, оспариваемые им статьи 107 и 109 УПК Российской Федерации, как допускающие существенное превышение установленного законом предельного срока содержания под стражей, несоразмерно ограничивают его право на свободу и личную неприкосновенность и тем самым противоречат статьям 22 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

1.2. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав законом проверяет конституционность законоположений, примененных в конкретном деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая при этом как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых актов.

А.Т. Федин, как следует из его жалобы, связывает нарушение своих прав с продолжительностью домашнего ареста. Между тем статья 109 УПК Российской Федерации регулирует сроки содержания под стражей и порядок их продления. При этом, по смыслу пункта 2 части десятой и части двенадцатой данной статьи, в срок содержания под стражей - как при первоначальном, так и при повторном избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения - засчитывается время домашнего ареста. Тем самым положения данной статьи, будучи гарантией обеспечения конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность при применении меры пресечения в виде заключения под стражу, не могут рассматриваться как нарушающие в конкретном деле заявителя его конституционные права в указанном им аспекте.

Соответственно, производство по данной жалобе в части, касающейся проверки конституционности статьи 109 УПК Российской Федерации, подлежит прекращению в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации".

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения статьи 107 УПК Российской Федерации, регламентирующие применение в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста.

2. По смыслу Конституции Российской Федерации, ее статей 17 (часть 2), 21 (часть 1) и 22 (часть 1), принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, относящееся к числу основных прав человека и признаваемое Всеобщей декларацией прав человека (статья 1), воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека. Именно поэтому Конституция Российской Федерации допускает возможность его ограничения лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, в установленном законом порядке, с соблюдением общеправовых принципов и на основе конституционных критериев необходимости, разумности и соразмерности, с тем чтобы не оказалось затронутым само существо данного права. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих решений, публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей (Постановления от 27 апреля 2001 года N 7-П, от 30 октября 2003 года N 15-П, от 22 марта 2005 года N 4-П, от 14 июля 2005 года N 9-П и от 16 июня 2009 года N 9-П).

Европейский Суд по правам человека также считает, что правовая защита лица от произвольного вмешательства со стороны государства в его право на свободу, гарантированное Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 5), предполагает соразмерность ограничения этого права, означающую обеспечение баланса между общественными интересами, которые могут потребовать предварительного заключения лица под стражу, и важностью права на свободу личности - с учетом презумпции невиновности; при установлении такого баланса важным фактором является продолжительность содержания под стражей, которая не должна превышать разумных пределов (Постановления от 26 июня 1991 года по делу "Летеллье (Letellier) против Франции", от 6 апреля 2000 года по делу "Лабита (Labita) против Италии" и от 29 января 2008 года по делу "Саади (Saadi) против Соединенного Королевства"); практика, которая складывается в связи с законодательным пробелом и в соответствии с которой лицо заключается под стражу на

неопределенный срок, противоречит одному из фундаментальных принципов правового государства - принципу правовой обеспеченности (Постановление от 28 марта 2000 года по делу "Барановски (Baranowski) против Польши").

Выявляя конституционно-правовой смысл понятия "лишение свободы", Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июня 2009 года N 9-П установил, что это понятие имеет автономное значение, заключающееся в том, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы, должны отвечать критериям правомерности именно в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу и содержания под стражей в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений в качестве мер допустимого лишения свободы; арест, задержание, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы. Никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком продолжительный срок, а законодатель обязан установить четкие и разумные временные рамки допускаемых ограничений прав и свобод (Постановления от 24 июня 2009 года N 11-П и от 20 июля 2011 года N 20-П, Определение от 14 июля 1998 года N 86-О).

Аналогичной позиции придерживается и Европейский Суд по правам человека. При толковании статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 4 которой гарантирует каждому, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения и на освобождение, если заключение под стражу признано судом незаконным) он отмечал, что лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, и предлагал оценивать их не по формальным, а по существенным признакам, таким как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц. По мнению Европейского Суда по правам человека, ограничение свободы и лишение свободы отличаются друг от друга лишь степенью или интенсивностью, а не природой или сущностью (пункт 14 Постановления от 1 июля 1961 года по делу "Лоулесс (Lawless) против Ирландии" (N 3), пункты 92 и 102 Постановления от 6 ноября 1980 года по делу "Гуццарди (Guzzardi) против Италии", пункты 55 и 68 Постановления от 28 октября 1994 года по делу "Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства", пункт 42 Постановления от 24 ноября 1994 года по делу "Кеммаш (Kemmaché) против Франции" (N 3) и пункт 42 Постановления от 25 июня 1996 года по делу "Амюур (Amuur) против Франции").

Следовательно, всякое ограничение или лишение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры пресечения в процессе судопроизводства либо в виде уголовного или административного наказания, должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями его справедливости и соразмерности, исходя из его законодательно установленных пределов.

Приведенные требования Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов и основанные на них правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, распространяющиеся на правовое регулирование применения такой непосредственно сопряженной с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность меры пресечения, как домашний арест, при котором лицо находится в изоляции и не может свободно реализовать свои права, предполагают обязанность законодателя определить в законе время пребывания лица под домашним арестом в соответствии с принципами справедливости и равенства, с тем чтобы исключить возможность произвольного и несоразмерного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации среди мер процессуального принуждения предусматривает в главе 13 меры пресечения - средства ограничения личной свободы обвиняемого, а в исключительных случаях подозреваемого, применяемые, как следует из его статьи 97, в целях предупреждения попыток скрыться от органов дознания, предварительного следствия или суда, продолжить преступную деятельность, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иных попыток воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 данного Кодекса.

Наиболее строгими из мер пресечения, перечисленных в статье 98 УПК Российской Федерации, являются домашний арест (статья 107 УПК Российской Федерации) и заключение под стражу (статья 108 УПК Российской Федерации). Поскольку суть данных принудительных мер - непосредственное ограничение находящегося под защитой статьи 22 Конституции Российской Федерации права на свободу и личную неприкосновенность, законодатель допускает применение таких мер в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении лишь тех преступлений, за

которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы, как правило, на срок свыше двух лет, и при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (часть первая статьи 108 УПК Российской Федерации).

Согласно статье 107 УПК Российской Федерации домашний арест в качестве меры пресечения избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены статьей 108 данного Кодекса, с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств (часть вторая); в постановлении или определении суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения указываются конкретные ограничения, которым подвергается подозреваемый или обвиняемый и которые связаны со свободой его передвижения либо состоят в запрете общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи (части первая и третья).

Из статей 97, 98, 107 и 108 УПК Российской Федерации в их нормативном единстве следует, что и домашний арест, и заключение под стражу в действующей системе правового регулирования связаны с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, т.е. с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность, а не только условий его осуществления. В силу этого применение таких мер пресечения должно осуществляться с соблюдением предусмотренных Конституцией Российской Федерации гарантий обеспечения данного права, схожих между собою по своим сущностным характеристикам, в том числе определяющих сроки пребывания лица в условиях изоляции в соответствии с принципами юридического равенства и формальной определенности правовых норм, справедливости и соразмерности устанавливаемых судом ограничений.

4. Вытекающим из статей 1 (часть 1), 6 (часть 2), 17 (часть 3) и 19 Конституции Российской Федерации принципом юридического равенства обуславливается необходимость формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, поскольку юридическое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы. Законоположения, не отвечающие указанным критериям, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного истолкования и произвольного применения и тем самым нарушают, кроме того, и конституционные гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, включая реализуемые в процедурах уголовного преследования за совершение преступления (статья 45; статья 46, части 1 и 2; статья 49, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Срок домашнего ареста, порядок его установления, продления, а также его предельная продолжительность в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, в том числе в его статье 107, не указаны, как не предусмотрено в нем и распространение на домашний арест ограничений, закрепленных законом для содержания под стражей. Домашний арест, который в силу закона применяется лишь при наличии оснований и в порядке, установленных для заключения под стражу, никак не регламентируется статьей 109 УПК Российской Федерации об исчислении и продлении сроков содержания под стражей. В части десятой данной статьи лишь указано, что в срок содержания под стражей засчитывается и время домашнего ареста (а часть третья статьи 72 УК Российской Федерации предусматривает, что время содержания под стражей включается, в свою очередь, в срок уголовного наказания - лишения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части или ареста - из расчета один день за один день).

По смыслу, придаваемому положениям статьи 107 УПК Российской Федерации сложившейся правоприменительной практикой, срок применения домашнего ареста не ограничивается: согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 года N 22 "О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста" избранная на стадии предварительного расследования мера пресечения в виде домашнего ареста продолжает действовать на всем протяжении предварительного расследования и нахождения уголовного дела у прокурора с обвинительным заключением, а также в суде при рассмотрении дела (абзац четвертый пункта 26).

Некоторые суды общей юрисдикции применяют положения статьи 107 УПК Российской Федерации, устанавливая и продляя срок домашнего ареста по правилам статьи 109 данного Кодекса. Между тем такая практика, хотя и направленная на защиту конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность и согласующаяся с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, которая изложена в Определении от 27 января 2011 года N 9-О-О, принятом по жалобе гражданина А.И. Аноприева на нарушение его конституционных прав статьей 107 УПК Российской Федерации, сама по себе не свидетельствует о том, что оспариваемые законоположения отвечают требованиям определенности, точности,

ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования.

При отсутствии оснований для изменения избранной лицу меры пресечения домашний арест может применяться с превышением установленных для содержания под стражей (части вторая и третья статьи 109 УПК Российской Федерации) предельных сроков - вплоть до вынесения судом приговора, причем в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования или иным способом нарушивших условия домашнего ареста, изменение меры пресечения в таких случаях с домашнего ареста на более строгую (заключение под стражу) невозможно, поскольку в соответствии с пунктом 2 части десятой этой статьи время домашнего ареста включается в совокупный срок содержания под стражей как его составная часть, а при достижении предельных сроков содержания под стражей дальнейшее продление таких сроков не допускается. Тем самым лица, соблюдающие условия домашнего ареста, в нарушение конституционного принципа справедливости ставятся в худшее положение по сравнению с лицами, скрывшимися от органов расследования или иным образом не выполняющими данные условия.

Более того, не исключается пребывание лица под домашним арестом с превышением не только предельных сроков содержания под стражей, установленных статьей 109 УПК Российской Федерации, но и сроков наказания, назначаемого судом за соответствующее преступление по нормам Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, что противоречит закрепленному в статье 49 Конституции Российской Федерации принципу презумпции невиновности, по смыслу которого до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе сроком, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его.

Следовательно, положения статьи 107 УПК Российской Федерации - как сами по себе, так и во взаимосвязи с другими положениями данного Кодекса, - порождают неопределенность в вопросе и о продолжительности домашнего ареста, и о порядке его продления, и о сроке, по истечении которого дальнейшее продление невозможно, и тем самым позволяют устанавливать временные пределы ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность в произвольном порядке и исключительно по правоприменительному решению.

5. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, суд как орган правосудия - исходя из статей 22, 46 (часть 1), 48, 118, 120 и 123 (части 1 - 3) Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи - призван обеспечивать одинаковые по своей природе судебные гарантии защиты прав и законных интересов личности. Данная правовая позиция, выраженная в Постановлениях от 10 декабря 1998 года N 27-П, от 14 февраля 2000 года N 2-П и от 22 марта 2005 года N 4-П, распространяется на меру пресечения в виде домашнего ареста, который, как и заключение под стражу, непосредственно ограничивает конституционное право на свободу и личную неприкосновенность. Единая природа данного конституционного права предполагает и единые правовые гарантии его судебной защиты, которая в силу статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации и корреспондирующих ей положений международно-правовых актов, в частности статей 8 и 29 Всеобщей декларации прав человека, пункта 2 и подпункта "а" пункта 3 статьи 2 и пункта 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, должна быть справедливой, компетентной, полной и эффективной.

Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь к вопросу о судебной защите прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения, указывал, что в ситуациях, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, гарантии права на судебную защиту приобретают особое значение; гарантии данного права не могут быть компенсированы лишь закреплением в законе предельных сроков ограничения или лишения свободы и личной неприкосновенности, равно как и возможности обжалования гражданином в судебном порядке продолжающегося ареста (поскольку при этом в нарушение статей 22 и 46 Конституции Российской Федерации допускается ограничение указанного конституционного права вне судебного контроля в течение значительного времени, в том числе до момента рассмотрения судом соответствующей жалобы) (Постановления от 14 марта 2002 года N 6-П и от 22 марта 2005 года N 4-П).

Ограничение права на свободу и личную неприкосновенность может иметь место только при наличии как факторов, отвечающих указанным в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целям, так и разумных сроков, контролируемых судом, с тем чтобы данный вопрос не мог решаться произвольно или исходя из каких-либо формальных условий, а суд основывался на самостоятельной оценке существенных для таких решений обстоятельств (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2006 года N 101-О).

Между тем, поскольку суд при рассмотрении обращений (жалоб, ходатайств) подозреваемого, обвиняемого, связанных с применением домашнего ареста в качестве меры пресечения, руководствуется статьей 107 УПК Российской Федерации, не отвечающей требованиям формальной определенности и согласованности с другими положениями данного Кодекса, не ограничивающей срок домашнего ареста, его предельную продолжительность и не определяющей основания и порядок его продления, право на свободу и личную неприкосновенность названных участников процесса остается без эффективных гарантий судебной защиты, что противоречит требованиям статей 22 (часть 1) и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

6. Таким образом, статья 107 УПК Российской Федерации, как не конкретизирующая срок, на который избирается мера пресечения в виде домашнего ареста, не определяющая основания и порядок его продления и не ограничивающая предельную продолжительность пребывания лица под домашним арестом, - в силу неопределенности как самой по себе данной статьи, так и ее положений во взаимосвязи с другими положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, - порождает противоречивую правоприменительную практику, позволяет налагать ограничения, сопоставимые по степени тяжести с уголовными наказаниями и даже превышающие их, снижает гарантии судебной защиты и тем самым не соответствует статьям 19 (части 1 и 2), 22 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

При внесении в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации необходимых изменений федеральному законодателю следует руководствоваться требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, изложенными в настоящем Постановлении, относительно установления и продления срока домашнего ареста, его предельной продолжительности, в том числе с учетом срока содержания под стражей, и обеспечения при применении домашнего ареста эффективного судебного контроля ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

7. Согласно частям первой и третьей статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" юридическим последствием принятого в порядке его статьи 47.1 постановления Конституционного Суда Российской Федерации, которым нормативный правовой акт или его отдельные положения признаются не соответствующими Конституции Российской Федерации, является утрата ими со дня опубликования постановления в соответствии со статьей 78 данного Федерального конституционного закона юридической силы на будущее время. Это означает, что с момента вступления в силу постановления Конституционного Суда Российской Федерации такие акты или их отдельные положения применяться не могут.

Вместе с тем исходя из цели обеспечения баланса конституционно значимых интересов и недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении прав и свобод человека и гражданина (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации) Конституционный Суд Российской Федерации может определить порядок исполнения постановления Конституционного Суда Российской Федерации, обусловленный, в частности, необходимостью обеспечить стабильность правоотношений в интересах субъектов права.

Поскольку положения статьи 107 УПК Российской Федерации, предусматривающие меру пресечения в виде домашнего ареста, в части оснований и порядка ее избрания и применения действуют в нормативном единстве со статьей 108 данного Кодекса, регламентирующей вопросы избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу, постольку - по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в Постановлении от 29 июня 2004 года N 13-П, - процессуальные гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, установленные законом для решения вопроса о применении меры пресечения, закрепленной статьей 108 УПК Российской Федерации, должны обеспечиваться и при решении вопроса о применении домашнего ареста.

При этом, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 27 января 2011 года N 9-О-О, уголовно-процессуальный закон, предусматривающий меру пресечения в виде домашнего ареста в качестве альтернативы заключению под стражу, предполагает установление в постановлении или определении суда об избрании данной меры пресечения срока домашнего ареста, который, по смыслу взаимосвязанных положений статей 6.1 и 128 УПК Российской Федерации, должен быть конкретным и разумным; данный вывод согласуется с пунктом 11.1 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятых 14 декабря 1990 года Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН, в котором указывается, что срок действия меры, не связанной с тюремным заключением, не превышает срока, установленного компетентным органом в соответствии с законом.

Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу, что, во избежание создания правовых препятствий для применения домашнего ареста как меры пресечения, которая является более гуманной по сравнению с заключением под стражу, в период до вступления в силу федерального закона, вносящего в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

соответствующие изменения, а также учитывая, что уголовно-процессуальное регулирование основывается на конституционных гарантиях обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность при применении мер пресечения, непосредственно ограничивающих это право, закрепляет общность оснований и условий для избрания мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста и схожие по своим сущностным характеристикам (единые) гарантии судебной защиты этого конституционного права, а также устанавливает единый порядок зачета времени их применения при исчислении размера наказания, положения статьи 107 УПК Российской Федерации - впредь до внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство - должны применяться таким образом, чтобы в период предварительного расследования предельный срок пребывания подозреваемых, обвиняемых под домашним арестом, а также совокупный срок их содержания под стражей и под домашним арестом в качестве мер пресечения (вне зависимости от того, в какой последовательности они применялись) не превышали бы предельную продолжительность содержания под стражей, определенную в статье 109 УПК Российской Федерации, а назначение домашнего ареста в качестве меры пресечения и его продление осуществлялись бы по правилам данной статьи.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 47.1, частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 22 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 49 и 55 (часть 3), положения статьи 107 УПК Российской Федерации в той мере, в какой они не конкретизируют срок, на который избирается мера пресечения в виде домашнего ареста, не определяют основания и порядок его продления и не ограничивают предельную продолжительность пребывания лица под домашним арестом, в том числе с учетом срока содержания под стражей в качестве меры пресечения.

2. Правоприменительные решения в отношении гражданина Эстонской Республики Федина Александра Тимофеевича, основанные на положениях статьи 107 УПК Российской Федерации, признанных настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

3. При внесении в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации необходимых изменений федеральному законодателю следует руководствоваться требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, изложенными в настоящем Постановлении, относительно установления и продления срока домашнего ареста, его предельной продолжительности, в том числе с учетом срока содержания под стражей, и обеспечения при применении домашнего ареста эффективного судебного контроля ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

Впредь до вступления в силу федерального закона, вносящего в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации соответствующие изменения, для установления срока домашнего ареста, его продления и ограничения его предельной продолжительности, в том числе с учетом срока содержания под стражей, должны применяться положения его статьи 109.

4. Прекратить производство по жалобе А.Т. Федина в части, касающейся проверки конституционности статьи 109 УПК Российской Федерации.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня его опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете" и "Собрании законодательства Российской Федерации". Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Конституционный Суд
Российской Федерации